

УДК 94(470)"16/18"

**ВОЕНИЗИРОВАННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНЫХ ОКРАИН
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.
(НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОГО УЕЗДА): БОЕВОЙ ПОТЕНЦИАЛ,
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И УСЛОВИЯ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ***

**THE MILITARIZED POPULATION OF THE SOUTHERN OUTSKIRTS OF THE
MOSCOW STATE IN THE FIRST THIRD OF THE XVII CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF VORONEZH UYEZD): COMBAT POTENTIAL,
LAND OWNERSHIP AND ECONOMIC CONDITIONS**

**Е.В. Камараули
E.V. Kamarauli**

Воронежский государственный университет,
Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1

Voronezh State University,
1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russia

E-mail: kamarauli@bk.ru

Аннотация

В статье анализируется начальный этап колонизации Воронежского уезда. В центре внимания исследования – военизированное население: корпорация дворян и детей боярских, группы поместных казаков, беломестных и слободских атаманов. Выявлены обстоятельства испомещения служилых групп, специфические черты их землевладения, боевой потенциал, общий уровень милитаризации общества. Анализируется правительственная политика, ее влияние на ход военизированного заселения уезда. Установлено, что служилое население уезда, решая проблему обороны границ, одновременно закладывало основу для аграрного освоения региона.

Annotation

The article analyzes the initial stage of the colonization of Voronezh district. The research focuses on the paramilitary population, its composition and strength. The aim of the study was to reveal how the situation in the dangerous borderland affected the living conditions, management, everyday life, family relations of the armed colonialists of the region. It is established that the armed population in the county consisted of three dissimilar service groups: the military servicemen's corporation of noblemen and children of boyars, local Cossacks, benign and suburban atamans. The circumstances of the dislocation of service groups in the county, the specific features of their land tenure and land use, and the conditions of economic activity are revealed. The main conclusions of the study are multitasking, set before the armed population of the Voronezh Uyezd, not only solving the problem of the defense of the southern borderland, but also laying the foundations for the formation of the rural district and agrarian development of the region.

Ключевые слова: писцовые книги; десятины; землевладение; колонизация; южные уезды; служилый «город»; казачество; XVII век.

Keywords: scribe books; tens; land tenure; colonization; southern counties; service «city»; cossacks; XVII century.

Дореволюционный исследователь хозяйственного быта Московского государства И.Н. Миклашевский [1894, с. 5] был убежден, что южные русские окраины XVII в. как

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ в Воронежском государственном университете, проект № 16-01-00058.



нельзя лучше подходят для изучения истории землевладения и земледелия, поскольку история сельского хозяйства есть «история заселения края и превращения диких полей, лугов и лесов в культурное состояние». Такие процессы развивались на территории Воронежского уезда в первой трети XVII в. Установлено, что в XVI в. переселенческий поток устремился из центральных уездов в сторону юга. Колонизационные процессы на южных рубежах стали объектом исследования в трудах Д.И. Багалея [1887], уделившего внимание вольной колонизации края, считавшего, что правительственная колонизация шла следом за народной. Ю.В. Готье [2003, с. 119] развил тезис о движении населения на юг в надежде «найти плодородные земли и избавление от податных тягот». В работах советских историков было установлено, что экономическое развитие юга начала освоения зависело не только от природно-географических факторов, таких как мягкий климат и плодородные черноземы, но и от военно-политической обстановки [Новосельский, 1938; Важинский, 1974; Загоровский, 1991]. Чтобы обеспечить условия для хозяйственного развития, поселенцы должны были обезопасить свои поселения от врага – татар, набегавших из степи. Защита края была невозможна частными усилиями, поэтому, по выражению Ю.В. Готье [1906, с. 271], «вслед за вольной колонизацией надвигалась правительственная», строя крепости, возводя засеки, распространяя служилое землевладение.

Современные исследователи считают, что в первой трети XVII в. южный край оставался опасным пограничьем, подвергавшимся нападению крымских и ногайских татар, калмыков и черкас [Папков, 2013; Мизис и др., 2015]. Участие в боях с татарами для служилых людей было не только защитой семей и имущества, но и шансом продвинуться по служебной лестнице [Глазьев, 2015, с. 77]. Вместе с тем, исследования пока не дали исчерпывающего ответа на вопрос, как влияла обстановка опасного пограничья на условия жизни, хозяйство, быт, семейные отношения вооруженных колонизаторов края, служилых людей. Слабо изучена модель землевладения, перенесенная из центра на степные окраины и подвергшаяся серьезной трансформации.

Ответы на поставленные вопросы могут дать массовые источники первой трети XVII в., десятни и писцовые книги, обработанные с применением количественных методов исследования. Воронежский уезд исторически сложился как самый крупный и населенный в регионе. Ценно, что на территории уезда были представлены различные группы военизированного населения, что обеспечило возможности для сравнения их вооружения, трудового потенциала, землевладения и землепользования. Цель настоящей работы будет заключаться в том, чтобы установить состав военизированного населения Воронежского уезда, его боевой потенциал, выявить возможность естественного воспроизводства военно-служилой корпорации или «города», раскрыть специфику испомещения и хозяйствования различных вооруженных групп населения.

Для Воронежского уезда первых десятилетий после Смуты источниками военно-учетного характера будут десятни. Сохранилась разборная десятня 1621/22 г. (далее – десятня 1622 г.), опубликованная В.Н. Сторожевым [1894]. В основу публикации легла копия 1627 г., поскольку оригинал был утрачен в ходе московского пожара 1626 г. Велика ценность для изучения землевладения материалов первого валового описания земель. В исследовании мы опирались на данные писцовой книги Воронежского уезда 1627–1629 гг., сохранившейся в подлиннике¹.

Остановимся вначале на численности и вооружении военизированного населения. По десятне 1622 г., боевой потенциал уезда составляли служилые группы населения, численностью 626 человек (далее – чел.), из которых мужчин, находившихся на действительной службе, было 493 чел., то есть 79%. Вооруженное общество составили дворяне и дети боярские, формировавшие «город» как военную корпорацию. Кроме того, на воронежских землях разместилось неоднородное казачье-атаманское население. Казачество как сословие на службе у московских государей появились в послесмутное время. Скопление

¹ Российский архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 76. Ч. 1–2. Л. 1–1104.



«вольных» казаков в Москве после ее освобождения от интервентов пугало правительство. Началось перемещение казачьих отрядов в города для укрепления местных гарнизонов. Были предприняты меры для удешевления их содержания: денежное жалование было сохранено, а кормовое заменено пожалованием земель. Образовалась группа поместных казаков, которые за особые заслуги верстались и испомещались по типу детей боярских. В Воронежском уезде доля поместных казаков в общей казачье-атаманской массе достигала 28–29%, но в целом по России поместные казаки составляли не более 12–15% всех служилых казаков [Чернов, 1954, с. 128–129]. В отличие от поместного казачества, беломестным и слободским атаманам полагались пониженные оклады и одинаковые земельные «дачи». Средний по России показатель окладов и «дач» для этой категории находился на уровне 20–30 четвертей (здесь и далее размеры «дач» указаны в одном поле) [Чернов, 1954, с. 130]. Денежного жалования беломестным и слободским атаманам не выплачивалось, но полагались налоговые льготы. По материальному положению беломестные атаманы сближались с приборными чинами. В Воронежском уезде атаманы имели оклады и «дачи» по 50 четвертей. Правительственные усилия по содержанию воронежских слободских атаманов обеспечили стабильную численность этой группы и небольшой прирост в первые послесмутные десятилетия. Но в целом за пятилетний период между разбором и писцовым описанием боевой потенциал уезда изменился незначительно (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Численность военизированного населения в Воронежском уезде и ее колебания в период от разбора 1622 г. до писцового описания 1627–1629 гг.

The number of paramilitary population in the Voronezh uyezd and its fluctuations in the period from the analysis of 1622 to the scribal description of 1627–1629

Источник	Всего (чел.)	Дворяне и дети боярские (чел.)	Атаманы беломестные и слободские (чел.)	Поместные атаманы, есаулы, казаки (чел.)
Десятня 1622 г.	626	373 (60%)	180 (29%)	73 (11%)
Писц. книга 1627–1629 гг.	635	359 (57%)	200 (31%)	76 (12%)
Разница:	+9	-14	+20	+3

Установим соотношение вооруженного и мирного мужского населения. К «мирной» части отнесены крестьяне (1525 чел. в 1428 дворах), бобыли (374 чел. в 331 дворе), холопы (66 чел.), приказчики (12 чел.), всего 1977 чел. В совокупности учтено 2612 чел. мужского населения, соотношение мирного и вооруженного сообщества получилось 4:1, где фактически мобилизуемая часть общества – 24% мужчин. Писцовая книга фиксировала тяглые дворы преимущественно как одномужицкие, но отразила не все реальное населения дворов. Сыновья крестьян-домохозяев не стремились попасть в описание, означавшее пожизненное прикреплению. Учитывая процент небоеспособных (детей, стариков, калек), считаем, что писцовая книга верно отразила численность теоретически мобилизуемого населения, способного бросить мирные труды и взяться за оружие в случае опасности. В Воронежском уезде первой трети XVII в. существовало в значительной степени милитаризованное сообщество.

Рассмотрим состав и вооружение служилых групп. Общество дворян и детей боярских составили взрослые воины, новики, по возрасту годные к службе, и недоросли. Это сообщество представляло 60% от военизированного населения, но поскольку де-факто служило только его часть (165 взрослых воинов и 75 новиков), то на действительной службе находилось примерно одинаковое количество дворян и детей боярских с одной стороны (49%), и беломестных и слободских атаманов, поместных казаков с другой стороны (51%). Большинство детей боярских было вооружено холодным оружием – саадаком и саблей (162 чел. взрослых воинов и все служилые новики – 75 чел.). Два сына боярских



явились на смотр без вооружения. 63% дворян и детей боярских выезжали на службу на конях (151 чел., в том числе 24 новика), 36% – на меринах (86 чел., в том числе 51 новик), 1% – пешие (3 чел.) служили городовую осадную службу.

В отношении поместных казаков, 30% выезжало на конях (22 чел.), 70% – на меринах (51 чел.). Вооружение лучника практически не встречается в этой группе, саадаки имелись только у двоих. Большая часть поместных казаков выезжала с саблей и пищалью (67 чел., 92%). В седле, но без вооружения оказались четверо. Все беломестные и слободские атаманы (180 чел., по десятне) выезжали на конях с пищалями и рогатинами. Обеспеченность огнестрельным оружием наводит на мысль о снаряжении этой группы за казенный счет, в то время как дети боярские и поместные казаки вооружались из личных средств и на личный вкус.

По мнению А.И. Раздорского, опирающегося на изыскания советского лингвиста С.И. Коткова, «конем» называлась боевая лошадь, предназначенная для верховой езды, в то время как «мерин» обозначал как верховое, так и тягловое животное [Котков, 1970, с. 88; Раздорский, 2013, с. 145]. В.Н. Козляков [2000, с. 119] высказал мысль, что «конями» в десятнях именовались ногайские лошади, а «меринами» – местные. Зажиточная часть служилых людей покупала «коней», остальные довольствовались «меринами». Вооружение служилого «города» выглядит устаревшим. С.К. Богоявленский [1938, с. 259] считал, что «русские ратные люди проявляли мало инициативы в совершенствовании своего оружия и больше применялись к вооружению и тактике неприятеля». Главным неприятелем на юге были крымские и ногайские татары, вооруженные исключительно холодным оружием и не обученные правильному строю. Таким образом, имеющегося у воронежских дворян и детей боярских оружия хватало, чтобы противостоять татарам в дальнем и ближнем бою. Стрельба из пищали или из лука была призвана остановить движение татарской конницы на дальнем расстоянии, а в рукопашной схватке использовалась сабля. Рогатина применялась для отражения татар в ближней схватке. С.К. Богоявленский [1938, с. 266] так описал рогатину XV–XVII вв.: «широкое копьё, насаженное на длинную и крепкую деревянную рукоять».

Данные об уровне боевого снаряжения могут косвенно говорить о том, что достаток поместных казаков был выше, чем у детей боярских. Казаки ежегодно получали четвертное денежное жалованье, а детям боярским деньги выдавались эпизодически, «с городом». Оклады жалованья у поместных казаков были повышенными. Например, для детей боярских оклады выше 10 руб. – редкость (3 чел. из 165), у поместных казаков оклады свыше 10 руб. – норма (22 чел. из 73). Корни благосостояния казаков следует искать во временах Смуты или жительства на Дону. В Смуту легитимные и самозванные правительства заручались поддержкой казаков, обеспечивая их деньгами и кормами. Но эти мероприятия в условиях разорения не могли обогатить казачество. По мнению А.Л. Станиславского, казаки «должны были искать другие способы своего обеспечения, компенсируя недостаточность жалованья, и вставали на путь самообеспечения, в том числе прямого разбоя» [Станиславский, 1990, с. 244]. Состояния сколачивались на Дону, где «военные походы и хозяйственные промыслы в степи приносили казачеству южнорусских степей значительный доход, и вели к быстрому обогащению» [Куц, 2009, с. 408]. Оседая в уезде, казаки на время сохраняли накопленные богатства. Оседлый образ жизни ставил казачество в иные экономические условия, лишая «шалых» заработков. Хозяйственная эволюция поместного казачества двигалась в сторону развития земледелия, а на Дону бытовали представления о хлебопашестве как о занятии недостойном [Готьё, 2003, с. 121]. Сохраняли экономическое значение промысловые занятия казаков – охота и рыболовство [Камараули, 2013].

Проанализируем обеспеченность трудовыми ресурсами и уровень распашки в хозяйствах помещиков разных категорий. Все земельные показатели нами учтены в четвертях в одном поле. (табл. 2).



Обеспеченность земель, трудовые ресурсы и уровень распашки в хозяйствах служилых людей (по данным писцовой книги 1627–1629 гг.)

Provision of land, labor resources and the level of plowing in the households of servicemen (according to the scribe book of 1627–1629)

Хозяйственные показатели:	Всего в уезде		Категории помещиков					
			У дворян и детей боярских		У поместных казаков		У беломестных и слободских атаманов	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Крестьянских дворов	1428.0	100	859.0	60	124.0	9	445.0	31
Поместных «дач»	35696.0	100	21424.0	60	4422.0	12	9850.0	28
В том числе распаханых земель	7488.5	100	3995.5	53	809.0	11	2684.0	36

В первой трети XVII в. не было кардинальных различий в обеспеченности земель помещиков трех категорий. В среднем, на владельца приходилось 49 четвертей земли у беломестных и слободских атаманов, 58 четвертей – у поместных казаков, 60 четвертей – у дворян и детей боярских. Разница в положении помещиков заключалась в перспективах роста их землевладения. Было затруднено увеличение «дач» беломестных и слободских атаманов, наделенных окладами в 50 четвертей. Для группы поместных казаков рост землевладения ограничивался правительственными постановлениями (об этом речь впереди). Самым перспективным в отношении роста было землевладение дворян и детей боярских. Чуть в большей степени различались обеспеченность трудовыми ресурсами, уровень распашки. Наилучшее соотношение земли и крестьянских дворов зафиксировано у беломестных и слободских атаманов: на каждые 22 четверти земли приходился 1 крестьянский двор, вследствие чего и уровень распашки оказался высоким. Слободские атаманы распахивали 27% своих «дач». Чуть хуже, чем у атаманов, было соотношение земли и крестьянских дворов у дворян и детей боярских, где 1 крестьянский двор приходился на 25 четвертей земли. Трудовые ресурсы позволяли детям боярским распахивать пятую часть земель (19%). Схожий уровень распашки существовал на землях поместных казаков (18%), в то время как их обеспеченность трудовыми ресурсами была слабее: 1 крестьянский двор на 36 четвертей земли.

Чтобы уяснить трудовой потенциал крестьянского двора, проанализируем количественные данные. На землях детей боярских крестьянский двор в среднем распахивал 4.7 четвертей в одном поле или 7 десятин в трех полях; на землях слободских атаманов – 6 четвертей в одном поле или 9 десятин в трех полях, на землях поместных казаков – 6.5 четвертей в одном поле или 9.8 десятин в трех полях. Полученное расхождение показателей распашки едва ли объясняется разной населенностью дворов. Очевидно, что большого расхождения в принципе быть не должно, а имеющиеся данные надо интерпретировать с учетом хозяйственных особенностей региона. Необходимо учитывать, что не только крестьяне, но и помещики зачастую вели трудовое хозяйство [Важинский, 1974; Камараули, 2016а]. Все категории землевладельцев участвовали в распашке земель, хотя степень этого участия могла различаться. Совместная пахота усилиями помещиков и крестьян повсеместно практиковалась на атаманских и казачьих землях, и встречалась на землях детей боярских, не только пустопоместных, но и малодворных владельцев 1–2 крестьянских дворов.

Татарские набеги вели к убыли населения южных уездов. Анализируя численность татарского «полона», А.А. Новосельский назвал для 1607–1617 гг. цифру не менее 100 тыс. человек. Период 1618–1630 гг. стал временем «затишья», но количество пленных все же достигало нескольких тысяч человек [Новосельский, 1948, с. 436]. Татарские набеги наносили урон крестьянскому населению, и обеспеченность служилых землевладельцев



крестьянами оставалась низкой. У воронежских дворян и детей боярских на 1 владельца приходилось в среднем 2.4 крестьянских двора, но дворовладение было дифференцированным. Преобладала масса пустопоместных детей боярских, которых исследователи именуют иногда «однодворцами» [Важинский, 1974], но появились и владельцы 6–10 крестьянских дворов. На беломестного атамана приходилось в среднем 2.2 крестьянских двора, при этом пустопоместных атаманов почти не было, за основной массой были записаны 1–2 двора, реже 4–5 крестьянских дворов. Низким был показатель дворности у поместных казаков, где на помещика приходилось в среднем 1.6 крестьянского двора. В отличие от казачьего, дворовладение детей боярских в Воронежском уезде начиналось не с пустого места. Часть детей боярских до поселения на воронежских землях была испомещена в иных уездах, где владела крестьянами. Часть крестьян, возможно, молодое поколение, последовали за помещиками в Воронежский уезд.

Поместные казаки испомещались впервые, а обстоятельства их поселения в Воронежском уезде имеют предысторию. В годы Смуты система испомещения подверглась испытаниям, нарушилось неписанное правило не давать подьячим и воеводам поместий в тех уездах, которые были им подведомственны. Московские чины обзавелись землями в окраинных уездах и потеснили местных помещиков. По мере замирения страны правительство возвращалось к прежним принципам испомещения, и, идя навстречу провинциальному дворянству, приняло меры к ограничению землевладения столичных чинов. А.Л. Станиславский [1985, с. 75–76] считал, что специальный указ об ограничении землевладения столичного дворянства был принят не позднее 11 июня 1619 г. и касался южных районов государства. Во исполнение указа в Воронежском уезде были изъяты земли стольника Г.И. Морозова в селе Песковатом, подьячего Разрядного приказа Г. Ларионова в с. Репном и д. Коростелевой (Выкоростовой), московского дворянина Ф. Аладына в с. Костенках, князя В.П. Ахамашукова-Черкасского в с. Двуречках. Известно, что князь Ахамашуков-Черкасский занимал вместе с рязанским дворянином И.И. Язвцовым пост воронежского воеводы в 1614 г. [Барсуков, 1902, с. 51].

Из конфискованных поместий московских чинов казакам было передано около 2629 четвертей земли в одном поле или 3943.5 десятин в трех полях, поделенных на 43 поместных и 5 вотчинных жеребьев. В 1619/20 г. в с. Песковатом были обеспечены поместьями 14 казаков; в с. Репном – 6 казаков; в д. Коростелевой (Выкоростовой) – 7 казаков; в с. Костенках – 6 казаков; в с. Двуречках – 15 казаков. Казаки виделись правительству более предпочтительными колонизаторами и защитниками края, чем московские чины. После выселения московских чинов казакам должны были достаться изрядно опустевшие села и деревни, так как своих крестьян столичные землевладельцы вывезли.

Интересно, что правительство, верстая казаков по типу детей боярских, пыталось законодательно ограничить нормы поместных «дач». По мнению А.Л. Станиславского, весной 1619 г. указом устанавливалось соотношение оклада и «дачи» для поместных казаков. На каждые 100 четвертей оклада полагалось 9 четвертей земли [Станиславский, с. 207]. Указ скорее служил рекомендацией для новых испомещений. Данные о «дачах» воронежских поместных казаков свидетельствуют, что в реальном землевладении были весьма существенные расхождения с указной нормой в обе стороны. Применительно к ситуации разбора 1622 г. мы имеем сведения об окладах и дачах 73 поместных казаков (100%), из них наделены землями по норме 24 чел. (33%), ниже нормы – 30 чел. (41%), выше нормы – 19 чел. (26%). В совокупности, воронежские казаки получили на 446.5 четвертей земель свыше того, что им полагалось по нормам. Применительно к ситуации земельного описания 1627–1629 гг. мы располагаем данными о «дачах» 65 казаков (86%), учитывая оклады тех, что участвовали в разборе 1622 гг. Сведения писцовой книги говорят о небольшом росте поместного казачьего землевладения: часть неполных «дач» подросла до нормы, количество «дач» сверх нормы увеличилось.

В ряде уездов казаки были ограничены в праве владеть крестьянами. А.Л. Станиславский привел данные о нормах испомещения и дворовладения казаков в Рязанском и Каширском уездах. На рязанских землях казаку полагалось не более 1 крестьянского двора, независимо от оклада и дачи. В Каширском уезде окладу 300 четвертей соответствовала «дача» 54 четверти и 3 крестьянских двора, окладу 150 четвертей – «дача» 27 четвертей и



I крестьянский двор [Станиславский, 1990, с. 207]. Нормирование земель и крестьянских дворов должно было коснуться и Воронежского уезда. В таком случае следует предположить, что нормы землевладения и дворовладения для воронежских казаков были чуть выше, или правительство недостаточно контролировало их соблюдение.

Правительство не спешило уравнивать поместных казаков в правах с детьми боярскими, поскольку социальные корни казаков не были очевидными. А.В. Чернов [1954, с. 128] считал, что поместные казаки не влились в служилый «город», так как в Смуту в казачьей среде оказалось немало тяглых элементов. О.Ю. Куц [2006, с. 97–109] проанализировал социальные истоки донского казачества на материалах 30–60-х гг. XVII в. и выявил среди казаков беглых холопов и крестьян, крестьянских и посадских детей, сыновей беломестных казаков и стрельцов. По утверждению А.Л. Станиславского [1990, с. 8], «казаки достаточно безразлично относились к национальности и сословному происхождению тех, кого они принимали в свои ряды. Ногайский татарин рядом с бывшим рязанским мужиком, обедневший сын боярский под началом холопа – обычные сочетания даже для XVII в.». На окраинах государства складывалась любопытнейшая с социальной точки зрения ситуация. На южные рубежи устремились выходцы из разных слоев общества. Среди них оказалось немало беглых тяглецов, искателей лучшей жизни, составивших «вольное казачество». После Смуты часть этой пестрой массы осела на землях в южных уездах, но одни записались в службу, как поместные казаки, и стали землевладельцами, а другие вернулись к хлебопашеству и были прикреплены к той же земле как тяглецы. Ситуация благоприятствовала формированию своеобразной крестьянско-казачьей общины, где распашка земель осуществлялась совместными усилиями, но основные хозяйственные заботы и тягло легли на крестьянские плечи, а воинская служба и оборона поселений – на плечи казаков.

Узкая локализация землевладения поместных казаков и беломестных атаманов создавала условия для общинного типа хозяйствования. «Дачи» атаманов пригородной слободы Воронежа были ограничены рамками городских полей и «придач», Ямной и Бабяковой. Еще кучнее были испомещены атаманы в уезде – в четырех селах Усманского стана (Собакино или Усмань, Боровое, Ступино, Излегощи). Землевладение поместных казаков также имело склонность к концентрации. Массовые жеребьи поместных казаков существовали в границах земель, изъятых у московских чинов. Кроме того, казаки были испомещены в с. Рядном, д. Синдякиной, Подгорной, Малышевой, Остаповой (Ситной), Нелже.

Вопрос о естественном воспроизводстве в среде военизированных групп пока не может быть решен окончательно. В нашем распоряжении мало сведений о семейных обстоятельствах и воспроизводстве в казачьей и атаманской среде. Что касается дворян и детей боярских, к концу 1620-х гг. естественное воспроизводство внутри служилого «города» обеспечивало стабильную численность детей боярских. Количество взрослых воинов и новиков было примерно одинаковым: 165 и 159 чел. соответственно. В категории недорослей десятня зафиксировала 49 чел. Во-первых, 17 недорослей, живущих с отцами. У нескольких недорослей отцы были отставлены от службы, сохраняя поместья, пока их сыновья подрастали, так как в десятне мы находим отцов только для 8 из 17 чел. Их поместья на время уходили из службы, выполняя функцию прокормления. Десятня учла 4-х недорослей, живущих с братьями, записанными в статью взрослых воинов. Были учтены недоросли-сироты, лишившиеся отцов, всего 28 чел. Учет недорослей был менее строгим, чем взрослых воинов и новиков, в десятню не были записаны мальчики младенческого возраста.

От двух поколений одной семьи фактически служил один мужчина. Новики вступали в строй, когда старшее поколение погибало в бою, от ран, болезней, старело, истощая свой боевой потенциал. До этого момента юноши кормились с поместий отцов и братьев. В группе неслужилых новиков было учтено 84 чел., при этом у 37% служили отцы (16 чел.) или братья (15 чел.), у 47% (39 чел.) не имелось поместий, и, как следствие, возможности снарядиться в поход. Остальные 16% (14 чел.) не вступили в службу по иным причинам. Южнорусский сын боярский не мог переложить все хозяйственные заботы на плечи крестьян и посвятить свое время исключительно службе. Уложение 1556 г. предписывало выставлять со ста четвертей доброй угодной земли одного воина на коне и в полном доспехе. Размер «дач» и уровень их распашки у большинства помещиков был таков, что позволял выставить в поход одного конного воина. Так, размеры «дач» помещи-



ков Чертовицкого стана находились в пределах от 10 до 170 четвертей, при среднем показателе 54 четверти, а распахивалась примерно четвертая их часть [Камараули, 2016б, с. 71]. Дети боярские не стремились набрать большие поместья, так как это влекло увеличение службы, и не спешили отдать в службу сыновей, чьи рабочие руки обеспечивали возможность хозяйствования. До поры младшие поколения детей боярских были больше задействованы на пашне, чем на службе.

Интересна группа беспоместных новиков (39 чел.), ее происхождение и дальнейшая судьба. Два новика были сыновьями крупных землевладельцев. Юноши были определены в категорию беспоместных, но проживали на поместьях отцов. Имеется также два случая, когда новики могли быть младшими среди множества братьев и записались как беспоместные, так как отцовское поместье подлежало разделу между старшими сыновьями. У девяти есть в десятне однофамильцы, но с очень распространенными фамилиями, такими как Петров, Павлов, Романов, Юрьев, Чернышев, Корчагин, Новиков. Вероятно, речь идет именно о совпадении фамилий, а не о родстве. Следовательно, для большинства беспоместных новиков не выявляется родственных связей с теми служилыми людьми, что были учтены разбором 1622 г. Эти молодые мужчины пришли на воронежские земли, чтобы получить поместья и вступить в службу. Часть беспоместных новиков, вероятно, была детьми неслужилых отцов. За пять лет 19 из 39 чел. обзавелись поместьями. Они приискали небольшие, по 20–25 четвертей, «дачи» в пустошах (16 чел.). Только трое обзавелись не только землями, но и крестьянами, организовали распашку.

Подведем итоги. К концу первой трети XVII в. в Воронежском уезде наладилось естественное воспроизводство служилого «города», но экономические факторы сдерживали его дальнейший рост. Испомещение детей боярских вело к формированию уезда – сельской округи. Население уезда росло и расселялось дальше от крепостных стен Воронежа, обеспечивавших его защиту. Рост татарских набегов в Смуту поставил перед правительством задачу защитить лесостепь и живущее на ее территории мирное земледельческое население. Для укрепления вооруженных сил в уезде были испомещены поместные казаки, беломестные и слободские атаманы. Испомещение казаков на окраинных рубежах было результатом обдуманной политики правительства. Выдворение казачества из Москвы способствовало замирению столицы, а южные города нуждались в защитниках. Казачество было тем ценнее, что имело опыт сражений с татарами. Удалив казачество от средоточия власти, правительство предложило им компенсацию в виде новых прав. Казаки верстались окладами и испомещались, как дворяне и дети боярские, наделялись землями, изъятими у московских чинов. Но такая политика была «дымовой завесой». На деле московские власти не намеревались уравнивать казачество с дворянством, предпринимая попытки ограничить дворовладение и землевладение поместного казачества. В политическом отношении испомещение стало шагом к служилому «закабалению» казаков, в экономическом – означало переход казачества к оседлому земледельческому хозяйству. Южные уезды были ареной для экспериментов правительства по созданию вооруженных сил нового типа, на основе «прибора». Так появилась прослойка беломестных и слободских атаманов, сочетавших черты воинов и земледельцев. В первые десятилетия существования уезда все служилые группы обеспечивали его защиту, одновременно способствуя аграрному освоению края. Дворянство проигрывало казачеству в вооружении, возможно, в боевых качествах, но, по мере того как южные уезды втягивались вглубь страны и превращались во «внутреннюю окраину» государства, это отставание становилось несущественным. Важно, что был заложен неодинаковый хозяйственный потенциал у разных служилых групп. В отличие от атаманского и казачьего, дворянское хозяйство сложилось как наиболее перспективное для развития крепостнического землевладения.

Список литературы References

1. Багалея Д.И. 1887. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., Общество истории и древностей российских при Моск. ун-те, Унив. тип. (М. Катков), 614.



- Bagaley D.I. 1887. Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Mosk. un-te, Univ. tip. (M. Katkov), 614. (in Russian)
2. Барсуков А. 1902. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., тип. М.М. Стасюлевича, 611.
- Barsukov A. 1902. Spiski gorodovykh voevod i drugikh lits voevodskogo upravleniya Moskovskogo gosudarstva XVII stoletiya po napechatannym pravitel'stvennym aktam. Saint-Petersburg, tip. M.M. Stasyulevicha, 611. (in Russian)
3. Богоявленский С.К. 1938. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. В кн.: Исторические записки. Т. 4. М., Изд-во Академии наук СССР: 258–283.
- Bogoyavlenskiy S.K. 1938. Armament of Russian troops in the XVI–XVII centuries. In: *Istoricheskie zapiski*. T. 4. Moscow, Academy of Sciences of the USSR: 258–283. (in Russian)
4. Важинский В.М. 1974. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, Воронежский государственный педагогический институт, 237.
- Vazhinskiy V.M. 1974. Zemlevladieniye i skladyvaniye obshchiny odnodvortsev v XVII veke. Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, 237. (in Russian)
5. Глазьев В.Н. 2015. Военная повседневность южного российского пограничья XVII в. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 20. Вып. 10: 71–78.
- Glaz'ev V.N. 2015. Military daily life of the southern Russian borderland of the XVII century. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki T. 20. Vyp 10: 71–78. (in Russian)
6. Готье Ю.В. 1906. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., Общество истории и древностей российских при Моск. ун-те, 590.
- Got'e Yu.V. 1906. Zamoskovnyy kray v XVII veke. Opyt issledovaniya po istorii ekonomicheskogo byta Moskovskoy Rusi. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Mosk. un-te, 590. (in Russian)
7. Готье Ю.В. 2003. Очерк истории землевладения России. М., Государственная публичная историческая библиотека, 258.
- Got'e Yu.V. 2003. Ocherk istorii zemlevladieniya Rossii. Moscow, State Public Historical Library, 258. (in Russian)
8. Загоровский В.П. 1991. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, Воронежский государственный университет, 272.
- Zagorovskiy V.P. 1991. Istoriya vkhozheniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI veke. Voronezh, Voronezh State University, 272. (in Russian)
9. Камараули Е.В. 2016а. Итоги аграрного освоения Центрального Черноземья в первой трети XVII в. В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 2016 год. Аграрное освоение и демографические процессы в России X – XXI вв. М.–Уфа, Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при Отделении историко-филологических наук РАН: 80–89.
- Kamarauli E.V. 2016a. The results of the agricultural development of the Central Chernozem region in the first third of the XVII century. In: *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoj Evropy 2016 god*. Moscow–Ufa, Scientific Council on the Problems of Agrarian History of Eastern Europe at the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences: 80–89.
10. Камараули Е.В. 2016б. Поместное землевладение Чертовицкого стана Воронежского уезда в материалах валового письма 1620-х гг. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 3: 67–73.
- Kamarauli E.V. 2016b. The local landownership Chertovitskoe camp Voronezh district in the materials of the gross letter of 1620 years. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 3: 67–73. (in Russian)
11. Камараули Е.В. 2013. Эксплуатация природных ресурсов на южных окраинах Российского государства в XVII веке. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2: 114–117.
- Kamarauli E.V. 2013. Exploitation of natural resources on the southern outskirts of the Russian state in the XVII century. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 2: 114–117. (in Russian)
12. Козляков В.Н. 2000. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного Уложения). Ярославль, Изд-во Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, 206.
- Kozljakov V.N. 2000. Sluzhilyj «gorod» Moskovskogo gosudarstva XVII veka (ot Smuty do Sobornogo Ulozhenija). Jaroslavl', 206.



13. Котков С.И. 1970. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков. М., Наука, 317.
Kotkov S.I. 1970. Ocherki po leksike yuzhnovelikorussoy pis'mennosti XVI–XVIII vekov. Moscow, Nauka, 317. (in Russian)
14. Куц О.Ю. 2009. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., «Дмитрий Буланин», 456.
Kuts O.Yu. 2009. Donskoe kazachestvo v period ot vzyatiya Azova do vystupleniya S. Razina (1637–1667). Saint-Petersburg, «Dmitriy Bulanin», 456. (in Russian)
15. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. 2015. Теория фронта и Юг России в XVI – первой половине XVII в. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 20. Вып. 10: 7–15.
Mizis Yu.A., Skobelkin O.V., Papkov A.I. 2015. The theory of the frontier and the South of Russia in the XVI - first half of the XVII century. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki T. 20. Vyp 10: 7–15. (in Russian)
16. Миклашевский И.Н. 1894. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., тип. Д.И. Иноземцева, 310.
Miklashevskiy I.N. 1894. K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. Ch. I. Zaselenie i sel'skoe khozyaystvo yuzhnoy okrainy XVII veka. Moscow, tip. D.I. Inozemtseva, 310. (in Russian)
17. Новосельский А.А. 1948. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.–Л., Изд-во Академии наук СССР, 447.
Novosel'skiy A.A. 1948. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v XVII veke. Moscow–Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 447. (in Russian)
18. Новосельский А.А. 1938. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. В кн.: Исторические записки. Т. 4. М., Изд-во Академии наук СССР: 21–40.
Novosel'skiy A.A. 1938. The spread of feudal land ownership in the southern districts of the Moscow state in the XVII century. In: Istoricheskie zapiski. T. 4. Moscow, Academy of Sciences of the USSR: 21–40. (in Russian)
19. Папков А.И. 2013. Освоение Российским государством южных окраин в XVI веке. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Т. 25. № 1: 71–81.
Papkov A.I. 2013. The Russian state mastery of the southern outlying areas in the 16th century. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiy. T. 25. № 1. № 1: 71–81. (in Russian)
20. Раздорский А.И. 2013. Конская торговля в Белгороде в XVII в. (по данным таможенных книг). В кн.: Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. М., Московский государственный университет: 141–148.
Razdorskiy A.I. 2013. Horse trade in Belgorod in the XVII century. (According to customs books). In: Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vyp. 3. Moscow, Moscow State University: 141–148. (in Russian)
21. Станиславский А.Л. 1990. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., Мысль, 269.
Stanislavskiy A.L. 1990. Grazhdanskaya voyna v Rossii XVII v. Kazachestvo na perelome istorii. Moscow, Mysl', 269. (in Russian)
22. Станиславский А.Л. 1985. Указ об ограничении землевладения столичного дворянства 1619 г. В кн.: Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., Московский государственный историко-архивный институт: 72–77.
Stanislavskiy A.L. 1985. Decree on the restriction of the landed property of the capital's nobility in 1619. In: Teoriya i metody istochnikovedeniya i vspomogatel'nykh istoricheskikh distsiplin. Moscow, Moscow State Historical and Archival Institute: 72–77. (in Russian)
23. Сторожев В.Н. 1894. Воронежское дворянство по десятиям XVII века. В кн.: Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. Воронеж, Издание Воронежского губернского статистического комитета: 77–110.
Storozhev V.N. 1894. Voronezh nobility in the desyatni of the XVII century. In: Pamyatnaya knizhka Voronezhskoy gubernii na 1894 god. Voronezh, Izdanie Voronezhskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta: 77–110. (in Russian)
24. Чернов А.В. 1954. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., Воениздат, 223.
Chernov A.V. 1954. Vooruzhennyye sily Russkogo gosudarstva v XV–XVII vv. Moscow, Voenizdat, 223. (in Russian)